

перенести их в овраг, куда пули не залетали. Эту задачу опять блестяще выполняет Александр Ходарченко. Он бросился в самую гущу боя. Но вынести раненых мешал вражеский пулемет. Тогда Ходарченко метнул гранату, и пулемет замолчал. Теперь путь был свободен, и санинструктор благополучно вынес двух раненых.

За время боевых действий он вынес на своих плечах много раненых бойцов и командиров. Только эвакуированных из глубоких разведок числится более двадцати трех. Раненые выздоравливают, возвращаются в строй и с чувством огромной благодарности говорят о боевом друге разведчиков — Александре Ходарченко.

Правительство высоко оценило боевую работу санитарного инструктора, наградив его орденом «Красного Знамени».

НЕ ВЕДАЯ СТРАХА

Батальон, выполняя приказ командования, атаковал деревню К. За горой, где наступали кировцы, была расположена лощина, а позади ее — деревня, откуда немцы вели ураганный огонь по нашим наступающим цепям.

Продвигаться было очень трудно, мешал глубокий снег, но тем не менее, кировцы преодолели все трудности подошли вплотную к деревне. Немцы продолжали оказывать жестокое сопротивление, у нас появились раненые.

За бугром в небольшой лощине скопилось десять раненых. Они, истекая кровью, приползли сюда, чтобы спасти себя от многочисленных пуль. Теперь пули проносились над головами раненых.

— Во чтобы-то ни стало раненые должны быть вынесены, — сказал военфельдшер Василенко. Казалось, что осуществить это непосредственно в момент боя, да при таком интенсивном обстреле — невозможно. Два санинструктора вышли из строя, ранен санитар.

— Придется самому сделать это, — подумал Василенко и оставив вместо себя на батальонном пункте медицинской помощи санинструктора, сам пополз к раненым.

Василенко залег под большим сугробом и начал рассматривать местность. Определив, откуда ведется особенно сильный огонь и наименее опасные пути подхода к лощине, Василенко сказал санитару:

— Вы, товарищ Юрченков, поползете, обходя лощину справа, я обойду ее слева, затем дойдя к ней, перевяжем и вынесем раненых.

— Есть! — сказал санитар, — и они поползли.

С трудом добравшись до лощины, они перевязали раненых и приступили к выносу их на медицинский пункт.

Тяжело раненых смельчаки выносили на себе, пробираясь ползком по снегу, потом возвращались и выносили других. Несколько раз делали они этот опасный, могущий окончиться смертью путь, и все раненые были благополучно доставлены на медицинский пункт.

Бойцы и командиры с восхищением смотрели на работу военфельдшера Василенко и санитар Юрченкова. Работа смельчаков, жертвовавших своими жизнями ради спасения раненых товарищей, вдохновляла их на такую же самоотверженную борьбу с врагами.

Деревня К. вскоре была кировцами занята.

ДО СЛЕДУЮЩЕЙ ВСТРЕЧИ

О боевых днях, проведенных на широкой дороге Орел — Москва, вспоминают многие, но в памяти военфельдшера Горностаева они запечатлелись особенно.

Немцы, не считаясь с большими потерями, рвались к Москве. Чем дальше они продвигались, тем больше наткнулись на стойкое сопротивление бойцов.

В яркий солнечный день подразделение капитана Суржик занимало оборону на опушке небольшого леса.

— Нам приказано не пропустить противника, — говорил капитан, объясняя бойцам задачу. — Всеми силами и средствами мы должны удержать нашу линию обороны. Никто не имеет права отойти без приказа.

Над лесом повисла абсолютная тишина. Ни пение птиц, ни треск сухих веток, ни ветер не нарушали этой тишины.

— Такая тишина бывает только перед бурей,—говорили бойцы. И словно в оправдание их слов далеко раздался мощный разрыв снаряда, за ним последовал второй, третий... Где-то среди ясного, залитого солнцем неба разразилась гроза.

Разрывы снарядов становились все явственней и отчетливей. Они приближались с каждым мгновением и, наконец, недалеко от опушки разорвался первый снаряд, за ним последовали десятки других. Появились раненые. Работа усложнялась с каждой минутой.

— Плохо, что у нас нет машины,—говорил военфельдшер Горностаев.— Придется изворачиваться, а как,—не могу себе представить. Кроме того, это место для медпункта мне не понравится, никаких укрытий, никакой уверенности, что раненый во время перевязки не может быть убит одним из тех многочисленных осколков, которые здесь пролетают. Необходимо выбрать другое место. Горностаев осмотрелся по сторонам.

— Пункт мы организуем под тем железобетонным мостом,—и он указал пальцем.— Там раненые будут хотя бы защищены от осколков. Надо только разведать пути, по которым будут подносить их.

Решение было правильным.

Доложив командиру о перемене места, Горностаев и санитары перенесли раненых к мосту; затем фельдшер приказал санитарам принести травы и сена.

— Будем раненых прятать в трубы, что под мостом, а сено и траву мы вложим в эти трубы, чтобы раненым было мягче,—объяснил он санитарам.

Вскоре все раненые были перевязаны и поочередно спрятаны в трубы.

— Тут вам, товарищи, будет спокойно и безопасно,—подбадривал военфельдшер раненых.

Тем временем батальон, получив приказ, отошел на другие позиции. С семнадцатью ранеными остались Горностаев и один из санитаров. Они должны были эвакуировать их в тыл, но как?—машина все еще не приходила.

— Наверно, что-нибудь случилось или же шофер не может найти нас,—недоумевал Горностаев.

Время тянулось утомительно медленно. Казалось, что этот тяжелый день никогда не окончится. Снаряды и мины рвались с прежней силой и так же часто. И вдруг стало

угрожающе тихо. В туже минуту Горностаев услышал голос санитаря.

— Товарищ военфельдшер, сюда движутся танки противника.

Танки двигались медленно, как черепахи. Издали казалось, что они стоят на месте, но это было только первым впечатлением. Танки постепенно увеличивались в размерах и скоро до слуха донесся противный скрежет гусениц. Они двигались прямо на мост.

Что было делать?—Уничтожить двум человекам десять больших бронированных машин—невыполнимо. Можно, конечно, подбить гранатами два, от силы три, но как же тогда раненые?—ведь нападение на танки обязательно демаскирует всех.—Все эти мысли с быстротой молнии проносились в голове у Горностаева.

Танки уже проходили по мосту. Под их тяжестью мост дрожал, скрипел настил, казалось, что он вот—вот провалится.

— Тише, товарищи, все будет в порядке,—успокаивал Горностаев раненых.—Танки пройдут, а потом, когда стемнеет, мы вынесем вас отсюда и доставим на медицинский пункт, а там вас отправят в госпиталь.

Танки, пройдя двести-триста метров, остановились.

— Видно бояться попасть в ловушку,—подумал Горностаев.—Посмотрим, что дальше будет.

В это время санитар снова доложил:

— Сюда движутся наши тяжелые танки.

Фельдшеру вдруг захотелось расцеловать санитаря.

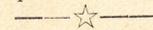
— Сейчас наши им покажут...

Раздались первые выстрелы. Один немецкий танк накренился на подбитую гусеницу. Три танка немцев перевернулись, остальные загорелись.

— Вот это здорово — в один голос сказали военфельдшер и санитар, восхищенные действиями советских танкистов.

Уничтожив немецкие танки, наши машины прошли вперед. За ними шли тягачи с боеприпасами. Фельдшер уложил раненых на машину и с санитаром отправил в госпиталь, а сам пошел искать свою часть. Провожая его, раненые бойцы вслед говорили.

— До следующей встречи.

СЛУЧАЙ С ЛОШАДЬЮ

Целые дни в районе, где занимал оборону батальон капитана Табатадзе, падали вражеские мины и снаряды. Противник не мог подняться в наступление и поэтому целые дни вел артиллерийский и минометный обстрел.

Бойцы батальона зарывались в землю. Они рыли землянки, траншеи, ходы сообщения, возводили на своей обороне проволочные заграждения, устраивали минные поля. Вместе со всеми рыли себе землянки и работники санслужбы батальона во главе с военфельдшером Василенко.

Санитары соорудили два больших блиндажа, вырыли землянку, где можно было бы перевязывать раненых. Через два-три дня после начала работы все было готово. Случайно военфельдшер Василенко взглянул на понуро стоявшую у дерева лошадь и подумал:

— А лошадь? Куда ее деть? Ведь не взять же ее с собою. А если убьют, то на чем же мы будем вывозить раненых?

Бойцы и санитары смеялись:

— Да, лошадь вам задала чисто лошадиный вопрос, на который даже Василенко не может ответить.

Но Василенко упрямо сказал:

— Отвечу на лошадиный вопрос к концу дня.

Санитары, руководимые военфельдшером, принялись рыть третий блиндаж. Вскоре он был уже готов. Перекрытый двумя настилами увесистых бревен и толстым слоем земли, этот блиндаж представлял собой довольно хорошее укрытие.

— А теперь пригласим сюда Савраску, пусть она празднует свое новоселье.

Под общий смех лошадь ввели в блиндаж.

Через несколько дней один из командиров, поверявших оборону батальона, вдруг услышал лошадиное ржание, вырвавшееся из-под его ног. Он в недоумении оглянулся. У самых ног показалась лошадиная голова. Командир рассмеялся и сказал:

— Сколько фронтов прошел, а такого зрелища не видел.

Жизнь лошади теперь была вне опасности и она сослужила кировцам большую службу.

В тылу врага

ПОД МЕДЫНЬЮ

Было за полночь. Над линией фронта загудели моторы тяжелых кораблей. Они ушли вдаль. Где-то там, во вражеском тылу корабли сделали круг. Из первого самолета стали прыгать вниз люди, одетые в белое.

Десантный отряд выбрасывался на парашютах в указанном ему районе. Это было у деревни Горлово, вблизи Медыни. Первым оставил кабину флагманского корабля адъютант Горячев. За ним бросился в черную тьму ночи командир отряда капитан Суржик. Они благополучно приземлились. Капитан вынул из кармана электрический фонарик и дал световые сигналы. Это был приказ на выброску всему отряду.

В темном небе распустились белые купола парашютов. На землю опустились бойцы, вооруженные автоматами, пулеметами, минометами. Рядом с ними парашюты плавно опускали вниз мешки с продовольствием и боеприпасами.

Кругом все было тихо. Ночь была темной и облачной. Деревня спала. Стараясь не шуметь, бойцы выползали из глубокого снега и складывали парашюты. Они направлялись к сборному пункту, откуда капитан Суржик подавал сигналы.

Выброска десанта прошла благополучно. Все парашютисты были учениками капитана и совершали свой первый боевой прыжок.

Кто-то в деревне проснулся, выглянул на улицу и, не разобравшись в чем дело, захлопнул дверь. Но любопытство взяло верх — была слышна русская речь. Дверь раскрылась снова.

— Родимые, голубчики! — воскликнула старуха, подбегая к парашютистам.

Для жителей деревни Горлово это была радостная, незабываемая ночь. Вернулась Красная Армия, родная, любимая. Жители деревни охотно приняли у бойцов на хранение их парашюты. Пока отряд приводил себя в порядок, крестьяне организовали разведку, чтобы предупредить парашютистов на случай появления немцев.

Через три часа авиадесантный отряд начал выполнять боевую задачу. Она состояла в том, чтобы захватить окружающие деревни, оседлать дороги, перерезать коммуникации от Медыни на северо-запад.

Три деревни — Грибово, Маслово и Горлово — были заняты парашютистами. Небольшие немецкие гарнизоны, находившиеся там, разбежались в леса. Без единого выстрела бойцы дошли до деревни Гусево, расположенной на узле дорог.

— Отсюда нет немцам дороги ни в тыл, ни на фронт, — объяснил бойцам задачу капитан Суржик.

Отряд занял круговую оборону. Группа бойцов взорвала мост через реку. Капитан узнал, что несколько дней назад немцы заставили население очистить от снега дорогу, чтобы по ней провести отступающие части.

— Теперь не пройдут, — твердо решил капитан.

Все, кто проезжал по дороге, попадали в руки парашютистов. Бойцы захватили несколько небольших групп немецких солдат и двигавшиеся к фронту подводы. У одного немца был найден приказ, в котором говорилось, что некоторые подразделения будут двигаться на запад по проселочным дорогам. Капитан немедленно выслал засады на эти дороги, и путь немцам был отрезан окончательно.

На следующий день был взят в плен ефрейтор, рассказавший о том, что против парашютистов немцы направили два отряда. Бойцы приготовились встретить противника.

Действительно, со стороны деревни Гиреево вскоре появилась до 200 немецких солдат. Парашютисты встретили

их огнем. Завязался сильный бой. Он завершился смелой атакой парашютистов. Штыками и прикладами уничтожали они ненавистных фашистов. Они берегли патроны, которые так ценны во вражеском тылу. Атака их была стремительной и горячей.

Красноармеец Руденко, великан и силач ворвался в гущу немецких солдат и прикладом укладывал одного немца за другим. Он работал с таким неистовством, что вспотел, не смотря на сильный мороз, и когда бой окончился, с удовлетворением заметил, что добрый десяток фашистов пал замертво от его сокрушительных ударов.

Бой длился полтора часа. Немецкий отряд был разбит наголову. Враг оставил на поле боя 78 трупов. Остальные солдаты бежали, изрядно побитые.

Парашютисты приготовились к встрече другого немецкого отряда. Но до фашистов уже дошел слух о силе парашютистов. По округе разнеслась молва, что их много тысяч, и немцы в панике бросились обратно, рассеялись на мелкие группы, чтобы как-нибудь лесами пробраться на запад.

Весь район безраздельно контролировался советскими парашютистами. Вскоре им стало известно, что население деревень Н. Беляево, Власьево, Исаково и других получило приказ немцев — очистить дорогу от Кременского на запад. Немцы хотели полевыми дорогами вывести свои войска. Тогда капитан Суржик издал свой приказ. Он запретил очищать дорогу, гарантируя населению охрану от фашистских войск. Приказ капитана был выполнен.

Фронт уже приближался к району Гусево. Вот пришли к капитану Суржику два наших разведчика из части, которой командует тов. Ватильев. Они сообщили, что Кочубеево и Варваровка заняты Красной Армией. Авиадесантный отряд решил пойти на соединения со своими частями.

Без боя была занята деревня Пирово, и отряд направился к Федоровке, где по его сведениям было до 400 немецких солдат и остатки штаба 183-й германской пехотной дивизии. При приближении парашютистов немцы боя не приняли и опрометью бежали в леса. Они так и замерзли в лесах и на проселочных дорогах. Парашютисты всюду встречали оченевшие трупы вражеских солдат.

В это время капитан Суржик получил сведения, что к

Кременскому движется немецкая колонна. Парашютисты направились туда. Немцы снова бежали. На дороге остались брошенными 31 автомашина, 30 мотоциклов, и 3 тяжелых орудия.

Отряд приближался к Кременскому. Капитан Суржик знал, что на эту деревню наступают бойцы командира Ермоленко. Он выслал туда разведчиков. Кременское уже было советским селом.

— Остановить! — скомандовал артиллерийский командир своим орудийным расчетам, когда узнал, что впереди уже нет немецких войск, что дорога на Медынь в руках наших парашютистов.

Когда авиадесантный отряд присоединился к своим войскам, парашютисты имели много трофеев.

Парашютисты выполнили свою задачу. Они посеяли панику в стане врага, содействовали овладению Кременским и Медынью, перерезали дороги на запад. Более 200 фашистов пали от их рук, и никто не сочтет, сколько замерзло немцев в лесах и на полях. За все время этой операции парашютисты потеряли одного убитым и одного раненого.

После выполнения задачи капитан Суржик делал смотр своему отряду. Лица бойцов сияли радостью. Это была радость воинов, сознающих, что они сделали большое и важное дело для родины.

Я. Милецкий

ШАМИЛЬ

Кто первый сообщил ему эту радостную новость — Шамиль не мог теперь припомнить. Как-то случилось так, что все почти были первыми. К нему ежеминутно подбегали бойцы и говорили:

— Шамиль, ты слышал, тебя наградили орденом Красного Знамени. Поздравляю.

— Спасибо, — отвечал Шамиль и крепко сжимал руку товарища.

— Шамиль, поздравляю...

— Орденосцу, привет...

— Вот здорово, Шамиль, ты слышал...

— Слышал, слышал, спасибо.

Он был очень взволнован. Его волновало не только само награждение, но и та радость всех окружающих, которую они проявили при этом известии. Шамиль знал, что товарищи его любят и искренно радуются его счастью. Это еще больше волновало его, еще больше радовало.

Красноармеец Шамиль Гусейнов, награжденный орденом Красного Знамени.

Он то и дело останавливал кого-нибудь и, с трудом объясняясь на русском языке, говорил:

— Ты понимаешь, мне орден дали. Такая радость. Ты понимаешь?

И убегал. Его высокая и хорошо сложенная фигура мель-

чала среди усыпанных снегом сосен, неожиданно появлялась в разных местах и снова исчезала.

А день клонился к концу, и заходящее солнце последними лучами золотило небо и играло в снежинках. Лес стоял задумчивый и суровый. Казалось, он не мог простить немцам воюнады, которую они обрушили на него в этот день. Одна за другой загорелись звезды, и бледно-желтый диск луны покотился по небу.

В тесных землянках грелись бойцы. Они делились впечатлениями о прошедшем дне, весело смеялись и шутили. Над входом оттопырилась плащпалатка и, пятясь задом, в землянку влез Яковлев.

— Поглядите, ребята, на этот туфель,— и он бросил в полну сидящих бойцов найденный немецкий валенок.

Все дружно засмеялись.

— Тоже сказал,—«туфель», да ведь это целая крепость, сделанная из разных эрзацов,— говорил Иванов Яковлеву.

Да,— задумчиво произнес кто-то,— Гитлер специально изобрел и ввел на вооружение своей армии эти эрзац-валенки, чтобы солдатам было тяжелее бежать обратно.

Все снова рассмеялись. Еще минут пять говорили о диковенной находке, а потом бросили эту тему и заговорили с другом.

Забившись в угол землянки, сидел Шамиль и первый раз в жизни не принимал участия в общей беседе. Общительный и жизнерадостный, он любил поговорить, посмеяться, он никогда не мог оставаться один, ему нужны были слушатели общества, но сегодня он молчал.

Бывает в жизни такое событие, которое заставляет продумать и вспомнить весь пройденный путь, всю жизнь, и у Шамиля был сегодня, именно, такой день. Награждение так его взволновало, так обрадовало, что сначала он никак не мог остаться в одиночестве, а теперь не мог быть участником общих разговоров. Товарищи это понимали и не приставали с лишними вопросами и разговорами.

Он сидел в своем углу и вспоминал о детстве, юности, о любимой матери, о родине. Мыслями он перенесся в далекий Азербайджан и снова стал мальчиком...

Высокие горы разговаривают с тучками, которые лежат на их вершинах. Солнце, жаркое и неумолимое, повисло в

небе и сыпало тысячи лучей на землю. Зеленые сады украсили эти места, виноград цепкими стеблями подымается по шестам и сплетается в причудливые формы. Это его родина, дорогие его сердцу места, где он родился, где рос и жил. Он знает здесь каждое место, лазил в каждый сад и виноградник...

Шамиль любил горы. Будучи пастухом, он много раз лазил по горным тропинкам, выбирая равнины с сочной зеленой травой. Горы подымаются к небу, старые, мощные, видевшие жизнь многих сотен поколений. А между этими горами стоит маленький Шамиль и поет. Вокруг расположилось огромное стадо овец, они резвятся и пасутся на зеленой высокой траве. И Шамиль поет об этом, он поет обо всем, что видит, что чувствует, поет о том, что его волнует. К яркому, горячему солнцу несется радостная песнь Шамиля о счастливой жизни, о радости бытия, о великой любви к родине, к народу... А внизу растилаются равнины, сады и виноградники, домики как спичечные коробки проглядывают там и сям из зеленой убора, а вокруг них двигаются маленькие точки. Это люди. Они трудятся и в своем труде создают что-то новое, невиданное до сих пор в Азербайджане, что-то прекрасное и большое. Шамиль, конечно, не помнит гражданской войны, но мать ему рассказывала, что солнечный Азербайджан никогда не был бы солнечным, если бы не большевики. Ведь Сергеем Орджоникидзе был большевиком, коммунистом, а он первый вошел в Азербайджан и выгнал всех муссаватистов. И Шамиль чувствует большую благодарность к людям, которые жертвуя собой, освобождали его родину, вдохнули жизнь в сердце его матери.

— Большевики... коммунисты...— шепчут губы Шамиля. Он тоже хочет быть большевиком, коммунистом, но годы... Ведь Шамиль еще маленький...

В землянке было тихо. Уставшие после большого и трудного дня бойцы уже спали. Сжимая висящий из шее автомат, спит возле Шамиля Яковлев, хороший друг и боевой товарищ. Шамиль смотрит на него и улыбается:

— Спи, спи, Яковлев, а я буду сидеть возле тебя и думать про свою жизнь. Может быть я жил не так, как нужно, а? Или я не успел сделать что-нибудь. Эх, если бы сейчас

Был бой я бы доказал... я убил бы десять, нет, двадцать фашистов, я бы привел много пленных, а?..

Шамиль опять улыбнулся, повертелся, проверил свою винтовку с оптическим прицелом, погладил ее и снова унесся мыслями далеко назад, к тому времени, когда он стал бойцом Красной Армии.

Он учился хорошо. Быстро схватывая все новое, неизвестное ему доселе, он тут же претворял полученные знания в жизнь. Горячий и непосредственный, он не мог сидеть без дела, не мог спокойно смотреть, как люди трудятся, ему необходимо было быть участником их труда, их жизни, их веселья.

Но больше всего он любил свою военную специальность. Парашютное дело — было его излюбленным занятием. Для него было величайшим наказанием, если командир не разрешал ему прыгать. В эти дни он ходил скучный, грустно и с завистью смотрел на бойцов, отправляющихся на аэродром.

А жизнь катилась быстро и незаметно. Дни сменялись днями, складывались в недели, недели в месяцы. Шамиль постепенно научился говорить по-русски, читать русские газеты. Он часто беседовал с товарищами, рассказывал им о своей жизни, а вечерами пел. Бойцы слушали его песни, не понимая слов, они понимали саму песню, понимали ее содержание и крепко полюбили Шамиля. Честность, искренность, правдивость располагали к нему всех окружающих, и скоро он стал общим любимцем. Шамиль любил плясать, ни один вечер самодеятельности не обходился без его участия. С горящими глазами, с гиком носился он по кругу, а товарищи хлопали в ладоши в такт танцу.—Асса!—вскрикивал Шамиль, ноги его мелькали в воздухе, весь он, как пружина, то сжимался, то выпрямлялся, расправляя свои широкие плечи.—Асса, асса!

В песне, в танце, в содержании его слов и рассказов было вложено много национального, самобытного. Горячность и абсолютная честность, порывистость в словах и делах и умение до конца довести начатое дело, преданность,—все это сживалось у него, образуя своеобразный букет настроений и дел. Не выподнить приказ командира—это величайшее преступление. Он считал, что этим порочит свой народ, свою

мать, свои убеждения — до того сильно и полно понимал он свой долг.

Что-нибудь поняв, он запоминал навсегда и мог в любое время ответить на вопрос об этом. Кроме того, что он сам хорошо усваивал, Шамиль мог хорошо и просто объяснить товарищам, и те сразу понимали суть дела, быстро и хорошо воспринимали преподаваемые Шамилем знания.

Как-то среди новоприбывшего пополнения Шамиль встретил своего друга детства. Лицо его расплылось в радостной улыбке и он бросился к другу.

— Здравствуй, Гаджи!..

— Шамиль!..

Друзья крепко обнялись. Целый день Шамиль не отходил от Гаджи, он спрашивал его о родных местах, о жизни в Азербайджане, о матери. А вечером он сказал другу:

— Слышишь, Гаджи, я тебя учить буду.

— Хорошо, Шамиль, спасибо,—ответил Гаджи, и они расстались.

Упорно и настойчиво учил Шамиль друга военному делу. Он старался передать ему все то, что сам знал, чему сам выучился, хотел его сделать таким же преданным Советскому народу воином, каким являлся сам. И Гаджи делал большие успехи. Шамиль, занимаясь с Гаджи, чувствовал большое внутреннее удовлетворение.

Приближался день, когда Гаджи должен был впервые прыгать. Шамиль волновался, как-то его товарищ сделает это. Вечером, за день до прыжка, Гаджи сказал:

— Шамиль, я не смогу прыгнуть, мне страшно.

— Страшно?..—Шамиль моментально вскипел.—Страшно! Или Гаджи ты мне не друг,—или навсегда должен забыть это гадкое слово. Если ты не прыгнешь, то я тебя больше не знаю, я тебя... я тебя...—Шамиль не мог даже найти подходящих слов. Он весь кипел. Потом только, когда несколько успокоился, то сказал другу.

— Гаджи, если ты прыгнешь, то я отдам тебе вот этот значок.—И он указал на значок спортсмена парашютного спорта. Наконец, этот день настал. Перед уходом Гаджи на аэродром, Шамиль еще раз напомнил ему содержание беседы и пригрозил кулаком. Гаджи ушел на аэродром, а Шамиль — на площадку приземления.

И Гаджи прыгнул. Радостно крича, бежал он к улыбающемуся Шамилю и еще издалека сообщал:

— Прыгнул, прыгнул...

Шамилю жалко было расстаться со значком, но раз он обещал...

— Возьми, Гаджи, значок, ты прыгнул и заслужил его, — и он протянул радостному другу свой подарок...

Грянула великая отечественная война. Все бойцы и командиры части подчинили свои действия темпам военного времени, все готовились к боям. Вместе со всеми готовился к боям и Шамиль Гусейнов. Ему было невтерпех, скорее бы в бой, скорее бы начать бить поганых фашистских вояк. Желание Шамиля скоро исполнилось. Получив ответственное задание, часть выступила и через некоторое время вошла в соприкосновение с противником.

Шамиль дрался вдохновенно, забывая обо всем, не помня самого себя. И в эти дни произошел бой, за который Шамиль был награжден орденом Красного Знамени...

Шамиль глубоко вдохнул воздух, затем повертелся, опять огладил свою винтовку и начал вспоминать об этом дне. О, он помнил все подробности, каждое свое движение. Ведь в этом бою он здорово поколотил и испугал фашистских солдат...

Шли они по лесу, девятнадцать кировцев, шли молча, оглядываясь по сторонам. Где-то близко сидели немцы, где они?

Деревья сплошной стеной подымались перед ними, скрывая все, что находилось за их стволами. Каждый куст, дерево, каждый шорох заставлял смотреть по сторонам, быть осторожнее. Вдруг впереди раздались выстрелы. Один, другой, третий, а затем целые очереди забили по деревьям, пули шелкали по веткам, сбивая сучья. Метрах в трехстах впереди были немцы. Сколько их? Но разве это может интересовать кировцев?! Они живут и действуют так, как учил еще Суворов: «Когда говоришь о противнике, не спрашивай сколько его, а спроси — где он!» — И девятнадцать кировцев развернулись и начали двигаться вперед на врага. Шамиль Гусейнов и Яковлев оторвались от других и, руководимые одним желанием — как можно больше уничтожить фашистских солдат, быстро двигались по направлению к ним. Вдруг

за деревом показалась фашистская каска, затем вышел и сам хозяин ее — рослый немецкий офицер. Шамиль прицелился и выстрелил. Пуля угодила в самое сердце.

— Считай, Яковлев, первый готов, — крикнул Шамиль другу.

— Нужно осторожнее, а то немцы рядом, — ответил Яковлев и упал на землю. Шамиль последовал его примеру, и вместе они начали ползком приближаться к врагу.

Стрельба увеличивалась с каждой минутой. Весь лес потонул в непрерывном шуме и треске. Шамиль поднял голову и оглянулся. Несколько десятков немцев бегали по лесу, что-то кричали и стреляли по соснам. Пользуясь тем, что его никто не видит, Шамиль пристрелил второго офицера. Затем начал ползком подбираться к немецкому окопу. В окопе сидел солдат и собирался стрелять. Из головы у него сочилась кровь, бинт наполовину съехал с раны.

Шамиль подумал:

— Этого кончу прикладом, — патронов мало осталось. — Он подполз еще ближе и со всего размаха стукнул немца по голове. Тот свалился с ног. Шамиль прыгнул в окоп, нанес фашисту еще несколько ударов и выбросил его. Устроившись в окопе, он принялся выбирать цели.

Вот там, по тропинке, бежит солдат, в руках у него конферт. — Наверное связной, — подумал Шамиль, — надо снять. Выстрелил, — и немецкий связной, как сноп, повалился на землю.

Метров в тридцати из окопа выглянула немецкая каска.

— Этого простой пулей не возьмешь, придется бронебойной, — опять спокойно подумал Шамиль и начал рыться в карманах. У него где-то было два бронебойных патрона, но где они? Он еще минуту поискал и нашел. Выстрелил, но пуля просвистела возле каски, не задев ее.

— О, черт, — выругался Шамиль, — первый раз в жизни промазал. — Он заложил второй патрон и снова выстрелил. Теперь уже пуля дошла по назначению. После этого он пристрелил ефрейтора и собрался было дальше стрелять, но заметил, что у фашистов творится что-то неладное: крик, беготня. Шамиль понял, что страх и замешательство обуяли немцев.

Не отдавая себе отчета, быстро как молния, Шамиль вы-

«сочил из окопа и, путая русские слова с азербайджанскими, начал командовать:

— Вторая рота — справа, третья — слева, остальные — за мной... Ур-ра! — И тут Шамиль услышал, что его «ура» было подхвачено. Это оставшиеся в лесу семнадцать кировцев выскочили на опушку леса и поддержали Шамиля.

Немецкая рота в панике бросилась назад, а Шамиль и Яковлев вернулись к своим...

В землянке было все так же тихо и только смех Шамиля нарушил тишину:

— Ну и вояки, ну и храбрецы... Рота испугалась девятнадцати... Здорово! — Шамиль еще долго улыбался. Воспоминания успокоили его и он уснул.

А дни напряженных боев с фашистами сменялись быстро. Казалось, что какой-то невидимый исполин с лихорадочной быстротой катил их навстречу весне.

Зима была еще в полном разгаре. Выюги и метели сменялись морозами, крепкими и неумолимыми. Каждое утро, умытаясь снегом, бойцы говорили:

— Ого, должно быть под сорок. Нужно будет сегодня добавить немцам немного своих свинцовых градусов.

В один из таких морозных дней Шамиля вызвали на командный пункт части. Там он встретил много своих друзей.

— Шамиль, здорово!

— Здравствуй, Петр!

— Шамиль...

— Гусейнову привет...

Друзья собрались в одну кучу и начали спрашивать друг друга о новостях. После пятнадцатиминутной беседы их выстроили. Вышел командир и, поздоровавшись, сказал:

— Товарищи. На вас возлагается ответственная задача, которую вы должны будете выполнить в тылу у немцев. Работа предстоит тяжелая, но все вы к ней готовились, и я не сомневаюсь, что каждый из вас выполнит ее с честью.

— Значит прыгать? — Не выдержал Шамиль.

— Прыгать, прыгать, — улыбнулся командир.

Все были обрадованы этим известием, но Шамиль больше всех. Он уже давно мечтал о таком деле, боялся, что ему не придется выполнять задач десантника, но вышло иначе, и его радости не было границ.

ранил офицера, тот свалился в снег. Шамиль и Курбатов подбежали к нему, на ходу крича, чтобы тот сдался. Но офицер поднял автомат, готовясь стрелять. Лицо фашистского офицера с длинными рыжими усами показалось Шамилю таким противным, что он не удержался и ударил отводящего затвор немца в лицо. Тот повалился на спину, на груди у лежащего офицера поблескивало два креста. Курбатов разрядил в него остаток диска и оба друга, отплевываясь, отошли. К утру прибыли остальные кировцы.

Дальше двигались вместе.

Не далеко от деревни Знаменское кировцев обстреляли. Выстрелы раздавались из сарая, что находился на опушке леса. Десантники залегли. Пулеметы продолжали строчить, но безрезультатно, пули свистели над головами, щелкали по деревьям, не принося никакого вреда.

Однако, вскоре появились раненые и убитые.

— Снайпер! — решил Шамиль. — Нужно найти его и уничтожить.

Шамиль начал искать глазами место, где скрывался снайпер. В это время к нему подошел командир.

— Что вы делаете, товарищ Гусейнов?

— Уходите, товарищ командир, здесь где-то снайпер немецкий бьет. Я хочу отыскать его и уничтожить.

— Действуйте, товарищ Гусейнов. — Сказал командир и уполз в сторону.

А Шамиль продолжал рыскать глазами по местности. Вдруг он увидел, что за кустом, который находился возле сарая, шевелится что-то белое.

— Каска белая, — догадался Шамиль. Он долго прицеливался и выстрелил. Пуля пробила каску и голову фашистского снайпера.

— Теперь нужно расчиститься с фашистами в сарае, — сказал Шамиль рядом лежащему бойцу, и они оба направились туда. Когда Шамиль уже был у намеченной цели, он увидел как упал боец.

— Ладно, — сказал Шамиль, — и по этому счету вы уплатите сполна.

Он зашел немцам в тыл. У сарая валялась куча трупов, много винтовок и автоматов. Недалеко от этого места лежал немецкий солдат и стрелял. Шамиль, взяв один из валяющихся

ся автоматов, подполз к солдату и нанес ему удар прикладом. Тот, издав глухой стон, покотился в сторону. Затем Шамиль, через дыру, незаметно вошел в сарай. Там находилось восемь солдат и один офицер. Не говоря ни слова, Шамиль направил автомат в спины фашистам и выпустил длинную очередь. Все солдаты тут же распрощались с жизнью, а офицер, подняв кверху руки, начал кричать:

— Я коммунист, я коммунист...

— Коммунист?— зло переспросил Шамиль.— А зачем же тогда стрелял в наших, собака?..— Еще один выстрел, и офицер ушел за смертью.

Путь был свободен, кировцы снова двинулись вперед.

Однажды, когда кировцы остановились на отдых в одной из деревень, Шамиль подошел к политруку Коваленко и попросил:

— Товарищ политрук, я еще в детстве мечтал быть коммунистом, теперь я, кажется, могу надеяться, что меня примут...— Шамиль, волнуясь, ждал ответа.

— Конечно, товарищ Гусейнов, уже давно пора было сделать это.

В тот же день Шамиля приняли в кандидаты ВКП(б). Он ходил радостный и праздничный, а вечером сказал товарищам.

— Сегодня я вырос на целую голову. До сих пор Шамиль крепко бил немцев, а с сегодняшнего дня коммунист Шамиль Гусейнов будет бить фашистов в десятки раз крепче. Можете поверить Шамилю, он свое слово сдержит.

Ф. Мечетнер.

ДОЧЬ УКРАИНЫ

Она родилась в один из тех дней, когда вся Украина утопает в белых благоухающих цветах яблонь. Аккуратные белые мазанки, золотые подсолнухи перед окнами, стройные, высокие тополи за плетнем, бескрайняя ширь колосющихся полей, звонкие песни девушек — Ось яка моя рідна земля, ненька Украина,— говорила Маруся, рассказывая о милых и дорогих ее сердцу местах.

Семнадцать лет она провела здесь, бегая со сверстницами в школу, помогала матери в поле, выходила в темные бархатные вечера с девушками за околицу и вместе с ними запевала.

— Ой, ты Галю,

Галю молоденька...

Она не задумывалась над своим будущим, годы протекали радостно и беззаботно.

Медицинская сестра М. В. Татаренко, награжденная медалью „За отвагу“.

Однажды пришло письмо от брата, в котором он сообщал, что стал летчиком. Здесь Мария подумала о своей дальнейшей жизни, кем она будет, кем хочет быть?

Сначала десятки различных желаний вспыхивали в ее голове, но постепенно все эти желания выталкивало одно:—Хо-

чу быть летчицей, хочу быть такой, как Полина Осипенко,— говорила Маруся, вспоминая знаменитую летчицу нашего времени. Но аэроклуба поблизости не было, а брат советовал не торопиться и хорошо обдумать принятое решение, и Маруся Татаренко поступила в школу медсестер.

Но учиться пришлось Марусе недолго. Грянула великая отечественная война. На защиту Родины поднялся весь Советский народ.

— Я тоже не хочу быть в последних рядах,— сказала однажды Маруся матери,— я должна уйти на фронт.

Матери не хотелось расставаться с дочкой.— Подожди, Маруся, не торопись,— говорила мать,— хоба ж там людэй мало? Не торопись.— И мать начала вытирать платком слезы. Она знала Марусю, знала, что Маруся рано или поздно вытиснит то, что считает своим долгом.

Прошло еще несколько дней, и Маруся предстала перед комиссаром военкомата.

— Товарищ комиссар,— обратилась к нему Маруся,— завтра уходит эшелон с мобилизованными, возьмите меня медсестрой.

Комиссар внял горячим просьбам Маруси и удовлетворил их.

— Ладно, товарищ Татаренко, собирайтесь в дорогу, поседете с эшелонем в качестве сопровождающей медсестры.

Радостная, она возвращалась домой. Уже на пороге хаты Маруся закричала:

— Мама, чуешь, завтра с эшелонем еду на фронт.

Мать всплеснула руками:

— Та що ты, сказылась, чи що? Куда ты така дурна пойдешь, та хто тебе визьме?

Но она понимала, что дочка действительно уезжает. Обняв Марию и глядя ее по волосам, она говорила:

— Не забувай свою ридну мать. Пиши, Маруся.— Мать гордилась дочерью, но удержать слез не могла, они катились из глаз и падали на лицо дочери. Заплакала и Маруся.

Не плачь, мамо, война скоро закончится, и я приеду, честное слово...

Через два дня поезд подходил к городу Орлу. Ревели гудки фабрик и заводов, тревожно кричали паровозы. Потом вдруг стало угрожающе тихо, в небе раздался рокот моторов.

Это были фашистские стервятники. На эшелон посыпались бомбы. Через мгновение раздались глухие взрывы, в поезде слышались стоны раненых.

Быстро и ловко перевязывала Маруся настоящих раненых. Руки ее немного дрожали от пережитого волнения, но бойцы этого не заметили.

— От бисов стервятник,— шептали губы Маруси,— пидожды, долитаешься.

Это было ее первым боевым крещением.

Эшелон прибыл к месту назначения. Бойцы выгрузились из вагонов и отправились в часть, где они должны были служить. Вместе с ними отправилась и Маруся.

— Теперь можете ехать обратно,— сказал военврач 2 ранга Лобанов, когда Маруся рассказала ему, кто она и откуда.

— Товарищ начальник,— просила Маруся,— я хочу остаться, оставьте меня.

— А если придется прыгать с парашютом, не испугаетесь?

— Та ни, товарищ начальник, цэ ж дуже гарно, шо я до вас попала.

И Маруся осталась в части.

Потянулись интересные, наполненные различными радостными переживаниями дни. Маруся много училась, готовя себя к предстоящим боям с врагами, изучала парашют. В одно солнечное утро она объявила товарищам и своей старшей подруге—Елене Николаевне Носковой:— Сегодня прыгаю.— Немного волнуясь, она ушла на аэродром.

Маруся прыгнула. Переходя от волнения на украинский язык она рассказывала Елене Николаевне:

— Стрибнула и думаю, колы ж розвэрнэться, парашют? А у цю саму хвылыну як мэнэ пиднэсэ, як пидкинэ, я аж вспотила. Ну, думаю, мой парашют розкрывся. А дали все було як у сказци. Солнце, хмары та я пид хмарами—и бильш никого.

— От, думаю я, колы б тут нимэць був, я б ему пид ребра нсж всадыла, бо сыла у мэнэ огромна була.

— А как же ты, Маруся, смогла бы нож в человека всадить, ведь ты медработник,— улыбнулась Елена Николаевна.

— Чоловик... Та хоба ж воны люды, воны ж за собак хуже будуть. Нож пид ребра нимцю обовязково всажу,— и

Маруся побежала к другим делиться радостными впечатлениями дня.

Через некоторое время Маруся вместе с частью отправилась на фронт. Здесь она, не щадя своих сил и жизни, выносила раненых из боя, перевязывала их, многим спасала жизнь. После трехмесячной работы на фронте, правительство наградило Марусю Татаренко медалью «За отвагу».

В части отбирали бойцов для выполнения десантной задачи. Много было желающих попасть в число отобранных для этой цели людей, но брали не всех желающих. Маруся побежала к командиру отряда десантников и начала просить:

— Товарищ капитан, возьмите и меня с собой.

Капитан Суржик направил ее к начальнику штаба.

— Если он позволит, то я возьму вас.

Маруся побежала к майору, но тот отказал.

— Успете еще, незачем торопиться.

Как Маруся не просила, майор разрешения не давал. Тогда она твердо решила:

— Убегу, а потом свой поступок оправдаю делом.

Так она и сделала. И уже находясь в дороге, она получила официальное разрешение комиссара части присоединиться к группе десантников.

Скоро была получена конкретная боевая задача. Ночью все уже были на аэродроме, капитан Суржик объяснил всем поставленную задачу, затем заревели моторы, самолеты оторвались от земли и исчезли в темноте. На одном из этих самолетов была Маруся Татаренко.

Над деревней Гусево самолеты сделали круг, замедлили полет. Все поняли, что сейчас нужно будет прыгать. Кто-то псшутил:

— Мы теперь как бесплатные пассажиры. Долетим до определенного пункта, и когда контролер спросит:— Ваш билет?— все мигом начнут соскакивать на ходу в воздушную бездну.

В это время раздалась команда — «приготовиться», а затем — «пошел», — и один за другим бойцы начали быстро покидать корабли. Вместе со всеми выпрыгнула и медсестра Маруся Татаренко.

Забыв о сильном морозе, Маруся сняла перчатки. Ветер забирался под одежду, больно жалил тело. Руки начали за-

мерзать. Приземлилась, вскочила на ноги, но отстегнуть подвесную систему Маруся не могла, пальцы не сгибались. Вдруг вдали показалась фигура. Маруся с трудом схватила пистолет, но нажать на спусковой крючок не была в силах, пальцы до того околели, что не подчинялись. К счастью, это оказался крестьянский мальчик, он помог Марусе отстегнуть подвесную систему и провел ее к остальным парашютистам...

Для немецких подразделений нападение парашютистов было неожиданным и страшным. Они всполошились и беспорядочно отстреливались.

Освободив деревню Гусево, одна часть бойцов осталась ее оборонять, а другая продолжала вести наступательный бой, уничтожая фашистов. В этом бою был ранен красноармеец Платонов. Маруся подползла к раненому, перевязала его и затем, положив на отбитые у немцев сани, собралась увезти раненого в деревню. Вдруг она увидела, как фашист, скрываясь за кустом, хочет напасть на нее. Стремительно выхватив пистолет, она в упор выстрелила в немца. Теперь у нее пальцы не мерзли.

— Оцэ тоби за все.

Немец упал, но продолжал ворочаться и стонать.

— От чертяка, — сказала Маруся, — живучий який. — Они снова выстрелила, но теперь уже точно. Немец больше не двигался.

— Я ж казала, що всажу нимцю нож нид ребра...

Раненый был своевременно доставлен на медицинский пункт, который был устроен в деревне.

За свои боевые дела Мария Васильевна Татаренко представлена к новой награде. Теперь она находится снова в тылу у немцев, там она уничтожает немецких оккупантов и помогает раненым красноармейцам и командирам.

И за много километров я слышу ее невучий украинский голос.

— Скоро вернусь, ридни, и будемо разом нимця лупцювать

З. Табанец.

„В ЧУЖИЕ САНИ НЕ САДИСЬ!“

Два фашиста верхом везжали в деревню. Они весело смеялись, предвкушая легкую добычу. Два фашиста, два сбер-ефрейтора прискакали сюда, чтобы почистить крестьянские дома, покушать и нагрузив до отвала мешки, спокойно уехать. Они соскочили с коней, зашли в один из домов, а через 10 минут уже тащили из сарая чужие сани и начали впрягать лошадей.

Тем временем крестьяне сообщили нашим бойцам в соседнюю деревню о непрошенных гостях. Сразу же вызвалось несколько охотников сходить в деревню и уничтожить фашистов, но их перебил красноармеец Верещагин:

— Позвольте мне одному справиться с этой задачей. У меня с фашистами старые счеты и я хочу эти счеты свести сегодня.

Командир дал разрешение. Верещагин, переодевшись в гражданское платье, пришел в деревню.

— Чтоб вы сдохли, дейчен! — громко сказал Верещагин, подходя к немцам. Те настороженно посмотрели на него, не стветив на «приветствие». Они продолжали быстро грузить награбленные вещи, а Верещагин в это время вел с ними беседу. Через пять минут они уже были «друзьями». Верещагин рассказывал им всякую всячину, добавляя к каждому немецкому слову несколько крепких русских ругательств, которые немцы не понимали. Фашистские солдаты были очень довольны «доброжелательным союзником», похлопывали его по плечу, разговаривали с ним, спрашивая, где еще можно пограбить. Тогда, указывая на соседний дом, Верещагин сказал:

— Там есть корова. — Немцы не понимали:

— Коров?..

Верещагин встал на четвереньки и принялся мычать:

— Му-му... Корову берите, идиоты! Му-му... Фашисты, наконец, поняли и обрадовались:

— Му-му — коров? Зер гут. Очень карашо.

Один из фашистов побежал в указанный дом, а второй продолжал погрузку. Это как раз и входило в планы Верещагина. Отступив на шаг, он поднял наган и выстрелил. Фашист, широко взмахнув руками, повалился под ноги лошади,

— Поймите немца...

Красноармеец Кузнецов заинтересовался:

Он один пришел?

— Один!

— Что делает?

— По домам ходит.

— Пойдемте, ребята, покажете.

Захватив с собой наган и пару гранат, Кузнецов тронулся в путь. Ребята гурьбой последовали за ним. Полями он подошел к деревне. На улице стояли крестьяне и обсуждали как избавиться от немецкого офицера. Кузнецов подошел к ним и спросил:

— Где теперь немец?

— А зачем тебе?

— Я хочу его «пригласить» к нам в гости.

— Да ты что, думаешь один с ним справиться?

— Конечно.

— Возьми наших орлов на помощь.

Кузнецов опять спросил:

— Где теперь немец?

Крестьяне указали.

Решительно, но тихо он открыл дверь и вошел в комнату. Его не заметили. Он стоял и наблюдал все происходящее.

— Хозяйка, дай яйки! — крикнул офицер. Хозяйка не понимала, что требует немец. Тогда он сел на корточки и, кулачтая, начал себя бить рукой по заднему месту.

— Ко-ко-ко... яйки, ко-ко-ко.

Хозяйка поняла.

— Яиц нет!

— Нет? Русише швайне! дай яйки. Неси яйки! —

Хозяйка, выходя из комнаты, увидела Кузнецова, но тот знаком приказал ей молчать. Она вышла. Офицер уселся за стол, где со слезами на глазах сидели две девушки. Он попытался их обнять, но они рванулись от него. Тогда немец схватил их за руки и начал ломать пальцы. Те закричали. Офицер приговаривал.

— Русише бабки — карашо, очень карашо.

Терпение Кузнецова лопнуло, и подняв наган, он крикнул:

— Руки вверх!

Офицер обернулся и схватился за пистолет.
— Руки вверх!— повторил Кузнецов и добавил:— Капут будет!

Офицер покорно поднял руки.

И через несколько минут вел Кузнецов по деревне офицера, связанного и безоружного. За ними толпой шли крестьяне.

— Молодец парень, один взял немца!

— Значит «гостя» ведешь, боец?

— Веду, веду,— весело отвечал Кузнецов. Когда он через час вводил пленного к командиру, тот улыбнулся:

— Хорош гусь!

— Только не гусь, а курица, да еще со свастикой. Сам видел, товарищ командир, как эта курица пыталась снести яйца.

— Ну и как?

— Ничего не вышло, товарищ командир, я помешал, да и ему придется немного поучиться у курицы.

И оба они весело рассмеялись.

Е. Свиридов.

КИРОВЦЫ НЕ МОГУТ ИНАЧЕ

Разведчики только что вернулись. Командир группы, лейтенант Шкарупа докладывал командиру роты о выполнении поставленной задачи. Он кончил свой доклад и уселся на стул. По лицу его было видно, что он устал и нуждается в отдыхе. Мы вышли из комнаты и через минуту услышали сквозь тонкую перегородку храп. Лейтенант уснул, а рядом в различных позах спали восемь бойцов, ходивших с ним в разведку.

Утром мы подошли к нему и попросили подробнее рассказать о том, как прошла разведка. Он сначала отказывался.

— Разведка прошла как обыкновенно. Задачу выполнили, убили оксло десятка немцев, а так больше ничего не было.

Мы еще раз попросили, и лейтенант Шкарупа начал рассказ:

— У меня было всего восемь человек, хороших боевых ребят, кировцев, одним словом. Нужно было лесами подойти к деревне и узнать, кто в ней находится, много ли там немцев. На пути нашего движения лежала деревня, занятая фашистами, мы это знали и обошли ее. Нас не заметили, и мы спо-

койно что в ^додняв головы, шли они по московским улицам, направ-
этому я ^ККремль.

ва и Анош. стены Кремля предстали перед глазами кировцев. Мы подошли рота. Здесь проходили лучшие люди страны, лю-
никнуть в него, ^{нами}нами гордится не только наша родина, но и

— Ну и как ^{эти}эти ворота сейчас проходят кировцы,— от-
Вокруг нас стояли ^{Армии}Армии, преданные сыны любимой

А лейтенант Шкарупа ^{ань}ань

дер ^{ных}ных чувств переживают
домике не оказалось. Хозяева ^{отца}отца. Его ^{часть}часть
стоит фашистский саперный батальон, ^аа воле 15 моих
жение, и мы собрались было уходить, как вдруг ^ии взят
раздался топот кованных сапог. Дверь отворилась и ^{кто}кто
вошел...

— Кто вошел,— опять спросил кто-то сзади.

— Кто... Ганс вошел. В руках он держал пистолет, думая
взять нас живьем, но не успели мы ахнуть, как ахнул сам
Ганс. Оказалось, что стоящий рядом с дверью Гомозов, как
только немец вошел, сразу же всадил ему штык в шею.

— Молодец Гомозов!— заговорили кировцы.

— Да, молодец. Но падая, немец выстрелил. Пуля угодила
в потолок, но не в этом дело. Мы не успели обрадоваться,
как захлопали выстрелы. Немцы начали стрелять в окна и
двери. Мы заметались по комнате. Как выйти?

— Да, как выйти— опять не выдержал кто-то.

— Мы бросились к черному ходу.

— Ну и как, вышли?— раздался тот же голос.

Все рассмеялись.

— Вышли, вышли, раз ты нас здесь видишь. Тайком про-
брались на улицу. Один из гансов увидел нас и пустился бе-
жать, второй споткнулся о пулю, выпущенную Аношиным и
грохнулся наземь. Мы кинулись к лесу. Соединившись со
своими, начали быстро удаляться от деревни.

Лес стоял тихий и суровый. Высокие сосны, усыпан-
ные снегом, стояли по бокам тропинки, которая, извиваясь
змейкой, убегала вдаль и исчезала между деревьями. Мы спе-
шили, зная, что немцы организуют погоню, и не опиблись.
Фашисты не только послали за нами больше двух десят-
ков солдат, но и сообщили в соседнюю деревню, чтобы и

Офицер обернулся и схватился за пистолет. Среди и
— Руки вверх! — повторил Кузнецов и добавил: —
будет!

Офицер покорно поднял руки. Шум
И через несколько минут вел Кузнецов по деревне фашисты дого-
связанного и безоружного. За ними толпой невозможно... что
— Молодец парень, один взял немца! молчали, а потом
— Значит «гостя» ведешь, боец?
— Веду, веду, — весело отвечал.

час вводил пленного к команде могут быть раненные, а в такой
— Хорош гусь! невозможно. Мы сделаем иначе.
— Только не гранаты — одну противотанковую, другую —
видел, начал минировать дорогу. Несколько минут — и все
порядке. Мы отошли метров двести и остановились. Все
приготовились к бою. Вдруг раздался оглушительный взрыв,
затем крики и стоны. Мы подождали немного, но все было
тихо, немцы дальше не пошли.

Прошло еще два часа. Начинало смеркаться. Мы подходи-
ли к той самой деревне, которая была занята немцами. Вдруг
из леса раздался лай собак, крики немцев. Тут мы поняли
все. И эта группа немцев тоже была на лыжах.

Я оглянулся. Кругом лес, справа большая поляна, а за ней
кустарник, густой, густой... Пройти на лыжах по такому ку-
старнику — невозможно. Мы бросились туда. Немцы за нами.
Ткнулись в кустарник, — не пройти! Они постояли, подумали,
затем махнули рукой и ушли, а мы прямой дорогой сюда. Вот
и все, товарищи! Самая обыкновенная история.

Лейтенант Шкарупа замолчал. Мы тоже молчали. Из тол-
пы слушателей протолкался один боец и, обращаясь к лейте-
нанту, попросил:

— Разрешите пожать вашу руку, товарищ лейтенант! —
Он крепко сжал руку лейтенанта и сказал:

— Хорошо деретесь!.. Потому, что кировцы не могут
иначе!

М. Иванов.

Гордо подняв головы, шли они по московским улицам, направ-
ляясь в Кремль.

Древние стены Кремля предстали перед глазами кировцев.
Спасские ворота. Здесь проходили лучшие люди страны, лю-
ди, чьими именами гордится не только наша родина, но и
весь мир. Через эти ворота сейчас проходят кировцы, — от-
важные воины Красной Армии, преданные сыны любимой

был по плану...
Но я удивляюсь от С. СОСНО...
встречаем впер...
короткого бо...
20 минут...
солд...
дер...
пей...
нших чувств переживают
отц. Его...
а волк 15 моих
взят
про.

Военнопленные говорят...

Период четырехмесячной борьбы, которую вела наша часть
с многими фашистскими частями, научил наших бойцов и ко-
мандиров-кировцев не только ненавидеть фашистскую мразь,
но и глубоко презирать ее. Многочисленные военнопленные,
которых приводили кировцы в штаб, усиливали это чувство
презрения и внушили, кроме того, и огромное омерзение, ка-
кую-то брезгливость, которую должен чувствовать чистоплот-
ный человек, когда он вынужден взять в руки червя, вылез-
шего из самой зловонной клоаки.

Вот они, эти носители «новой культуры», «христоролюбивое
воинство», представители «высшей рассы». Завшивленные и
оборванные, грязные и трусливые, стоят они, нервно почесы-
ваясь, по мышинному бегая глазами по комнате. На лицах у
пленных написан какой-то чисто животный страх за свои под-
ленькие мерзкие жизни, ни капли раскаяния нет на этих ли-
цах, ни крошки обыкновенного человеческого чувства, кото-
рое называется совестью, ничего, кроме животного, чисто фа-
шистского страха за судьбу своих проданных душонок.

— Господин комиссар, вы меня не расстреляете? Ведь я
уже хотел сдаться добровольно в плен, но не было удоб-
ного случая. Я никогда не стрелял в русских.

Он, этот убийца, клянется и распинается, готов сотни раз
обмануть, лишь бы его не расстреляли. И бойцы смотрят на
него и отплеиваются. Они вспоминают своих товарищей, ко-

Офицер обернулся и схватился за пистолет. Среди и
 — Руки вверх! — повторил Кузнецов и добавил: —
 будет! — слышный шум
 Офицер покорно поднял руки. — Но разносило
 И через несколько минут вел Кузнецов по деревням фашисты дого-
 связанного и безоружного. За ними толпой невозможно... что
 — Молодец парень, один взял немца! — молчали, а потом
 — Значит «гостя» ведешь, боец?
 — Веду, веду, — весело отвечал
 час вводил пленного к командиру. — «...ые, а в такой
 — Хорош гусь! — иначе.
 — Только что... другую —
 видел, тогда... все
 дай по...

Довоевались!

села, они сражались за правое дело — и поэтому готовы были
 лучше умереть, чем продать и предать.

Разве фрицы и гансы, карлы и густавы способны это по-
 нять? — Ведь они шли к нам только для того, чтобы пограбить,

Гордо подняв головы, шли они по московским улицам, направ-
 ляясь в Кремль.

Древние стены Кремля предстали перед глазами кировцев.
 Спасские ворота. Здесь проходили лучшие люди страны, лю-
 ди, чьими именами гордится не только наша родина, но и
 весь мир. Через эти ворота сейчас проходят кировцы, — от-
 важные воины Красной Армии, преданные сыны любимой

был по плану... деревенской печ... чувств переживают
 Но я удивляюсь стойкости... 48 полка Георга Плотца. Его...
 встречаем впервые... короткого боя... в сажу, шея, чернее смолы, а волос 15 моих
 20 минут... волосы потеряли свой естественный цвет... взят
 солдата... голубые глаза (признак чистого арийского про-
 хождения). Георг Плотц шел, сопровождаемый смехом наших
 бойцов. Действительно, этот, хотя и младший офицер немец-
 кой армии, больше напоминал домового, чем воина. Разгова-
 ривать с ним было бесполезно, он так заикался и дрожал,
 что из его путанных ответов ничего нельзя было разобрать.

А вот второй экземпляр. В деревне Г. наши бойцы привели
 ефрейтора Иосифа Шмидта. Он выглядел чище первого
 (в печь он еще не успел забраться), вел себя спокойнее.
 Иосиф Шмидт подробно отвечал на все задаваемые ему
 вопросы. Он рассказывал:

— Наша часть прибыла из Бельгии. Хотя мы и раньше
 слышали, что война с русскими совсем не похожа на войну
 во Франции или в Бельгии, но никто из нас не ожидал того,
 что получилось. За короткое время часть потеряла около 70
 процентов своего состава, нам не давали ни минуты отдыха,
 особенно в последние дни.

Стоявшие вокруг кировцы рассмеялись. Они с удовольст-
 вием слушали отзывы о своей работе.

Иосиф Шмидт под конец рассказа начал просить:

— Я сам рабочий, мой отец маляр, пошел на войну я не-
 хотя. Не расстреливайте меня.

— А это? — спросили кировцы, указывая на железный
 крест, висящий на груди пленного.

— Это... — ефрейтор замялся, но потом вдруг выпалил: —
 это всем дают.

Офицер обернулся и схватился за пистолет. Среди и
— Руки вверх! — повторил Кузнецов и добавил: —
будет!

Офицер покорно поднял руки. Шумный шум
И через несколько минут вел Кузнецов по дер. фашисты дого-
связанного и безоружного. За ними толпой невозможно... что

— Молодец парень, один взял немца! молчали, а потом

— Значит «гостя» ведешь боец?

— Веду, веду, — весело
час вводил пленного

— Хорош гость, а в такой

— Только так и иначе,
видел дугую —
яйца все

Солдат Эрнст Дарре — представитель
„высшей“ расы.

Этот «культуртрегер» знает о лучшем поэте своей страны
только по наслышке. Он ничего не читает и не хочет читать.
Зачем терять время на такие «глупости», лучше убивать, гра-
бить, насиловать. И это высшая раса, это каста господ? Да
ведь это просто убудки рода человеческого, погань, мразь
и нечисть, на которую молится дегенеративный фюрер и ко-
торых он собирает разводиться на случных пунктах.

Среди пленных встречаются и такие, которые не молят о

Гордо подняв головы, шли они по московским улицам, направ-
ляясь в Кремль.

Древние стены Кремля предстали перед глазами кировцев.
Спасские ворота. Здесь проходили лучшие люди страны, лю-
ди, чьими именами гордится не только наша родина, но и
весь мир. Через эти ворота сейчас проходят кировцы, — от-
важные воины Красной Армии, преданные сыны любимой

был по плану.
Но я удивляюсь стойкости и благородных чувств переживают
встречаем впервые на этом участке. То же самое, в своей части
короткого боя во мне оставило глубокое впечатление. Через
20 минут после встречи с вашими солдатами из 15 моих
солдат было убито 13, двое куда-то исчезли, я сам был взят
в плен.

О чем говорить, кировцы получили блестящий отзыв из
уст фашистского офицера. Нам только остается сказать, что
мы будем драться еще лучше, чтобы как можно скорей осво-
бодить нашу родину от фрицев всех видов и оттенков, всех
цветов и мастей.

Офицер обернулся и схватился за пистолет. Среди и
 — Руки вверх! — повторил Кузнецов и добавил:
 будет! льный шум
 Офицер покорно поднял руки. хо разносило
 И через несколько минут вел Кузнецов по деревне фашисты дого-
 связанного и безоружного. За ними толпой невозможно... что
 — Молодец парень, один взял немца! молчали, а потом
 — Значит «гостя» ведешь, боец?
 — Веду, веду, — весело
 час вводил пленного

Дорога ведет на Запад

Эта дорога надолго останется в памяти кировцев. Много дорогих сердцу воспоминаний связано с нею, много печальных, горестных и триумфальных дней связывает эта обыкновенная дорога в один сложный узел боев...

Вся страна помнит эти дни наибольшей опасности для родной столицы. Совинформбюро ежедневно сообщало, что «самые упорные бои идут на Можайском и Малоярославецком направлениях. И эти бои на Малоярославецком направлении вели кировцы. Враг бросил сюда много сил, много людских резервов и боевой техники, но это не смогло сломить упорства наших бойцов, и враг был остановлен далеко от намеченной цели.

Огромное количество разнообразных предметов, разбросанных по обочинам дороги, рассказывают об этих днях. Вот три танка, наполовину занесенных снегом, стоят у леса. Три месяца тому назад я сам видел, как они горели. словно сухой хворост, облитый бензином и зажженный, — горели эти сильные фашистские машины, а возле них лежали трупы немецких танкистов. Они хотели бежать, но застигнутые пулями кировцев остались здесь навеки. Эти и много тысяч других трупов теперь и в будущем будут служить ярким примером к словам Александра Невского: «А если кто с мечом к

Гордо подняв головы, шли они по московским улицам, направляясь в Кремль.

Древние стены Кремля предстали перед глазами кировцев. Спасские ворота. Здесь проходили лучшие люди страны, люди, чьими именами гордится не только наша родина, но и весь мир. Через эти ворота сейчас проходят кировцы, — отважные воины Красной Армии, преданные сыны любимой

Боевая работа кировцев в октябрьские дни.
 На снимке: немецкое кладбище вблизи района боев нашей части.

бьется сердце и картины прошедшего встают в моей памяти. Да, именно здесь, на этом месте наступали подразделения, где комиссарами были тт. Козлов и Ершов; именно здесь тов. Файсханов вскочил на немецкий танк и дождался, когда офицер выглянул из люка, — уложил его ударом приклада. В этом самом лесу отважный пулеметчик ефрейтор Готин тянул свой тяжелый крупнокалиберный пулемет и, установив его на огневой позиции, открыл ураганный огонь по фашистским цепям. Сколько их тогда полегло? Мы не считали, но их было очень много. Среди этих знакомых сосен военврач тов. Лукьянчук оказывал первую помощь раненым, не

Офицер обернулся и схватился за пистолет. ереди и
— Руки вверх!— повторил Кузнецов и добавил:
будет!

Офицер покорно поднял руки. льный шум
И через несколько минут вел Кузнецов по дефашисты дого-
связанного и безоружного. За ними толпой невозможно... что

— Молодец парень, один взял немца! молчали, а потом

— Значит «гостя» ведешь, боец?
— Веду, веду,— весело на дороге. Де-
час вводил пленного, перевернутые повозки, горы
с патронами и минами и трупы, трупы,
руны...

Вот перекресток трех дорог. Перевернутые орудия смот-
рят колесами в небо, разбросанные кучи снарядов и трупы.
Все здесь говорит о жаркой рукопашной схватке, которая
присошла совсем недавно. Вот труп немецкого солдата.
Здоровый детина, по виду «чистокровный» арийский бандит
лежит с проломленным черепом. Из головы торчит невынутая
лопатка. У другого зияющая рана в шее, у третьего... но
здесь их много и все отмечены печатью лютой ненависти со-
ветского народа и поэтому «обработаны» одинаково — все
мертвы.

Гордо пронесли кировцы славное знамя освободителей по
этой дороге. Освобожденные крестьяне со слезами радости
встречали наших бойцов, и рассказывая о страшных днях,
проведенных под сапогом коричневого чудовища, вызвали к
мести.— Отомстите им, дорогие, за убитых и замученных лю-
дей, за разграбленные дома, за надругательства.— И киров-
цы мстили, зная, что их месть священна, что их месть—луч-
ший ответ фашистам на все зверства.

Зверства... Как уточнено они издевались над советскими
людьми, сколько невинных жертв, сколько крови женщин и
детей пролито этими людоедами.

Вот деревня Варваровка. Половины домов нет, только об-
горевшие и почерневшие трубы поднимаются к зимнему небу
да изломанная домашняя утварь проглядывает из-под снега.
Крестьяне рассказывали кировцам об ужасной трагедии, ко-
торая наполняет сердца жгучей ненавистью и болью и застав-
ляет мстить варварам жестоко и сполна.

Гордо подняв головы, шли они по московским улицам, направ-
ляясь в Кремль.

Древние стены Кремля предстали перед глазами кировцев.
Спасские ворота. Здесь проходили лучшие люди страны, лю-
ди, чьими именами гордится не только наша родина, но и
весь мир. Через эти ворота сейчас проходят кировцы,— от-
важные воины Красной Армии, преданные сыны любимой

и благородных чувств переживают
работники нашей части —
умением и

...И кто его знает, куда Ганс шагает...

чали выскакивать из горящих домишек, фашисты открыли
ураганную стрельбу из автоматов. Женщин с детьми, беспо-

Офицер обернулся и схватился за пистолет. Среди и
— Руки вверх! — повторил Кузнецов и добавил
будет!

Офицер покорно поднял руки. льный шум
И через несколько минут вел Кузнецов по де-хо разносило
связанного и безоружного. За ними толпой фашисты дого-
невозможно... что

— Молодец парень, один взял немца! молчали, а потом

— Значит «гостя» ведешь, боец?

— Веду, веду, — весело ача было
час вводил пленного

рассказывали, и кулаки у кировцев сжи-
реще крепче, и на лица легла суровая решимость отом-
стить проклятым фашистам за все муки, которые перетерпел
наш народ. — Мы отомстим, — говорили они, — и месть наша
будет страшна и справедлива!

Дорогой, обогрешенной кровью мирных жителей и черной
кровью гитлеровцев, двигались кировцы на запад. За спиной
стался разрушенный и разграбленный фашистами город Ма-
ноярославец, часть двигалась на Медынь. Враг откатывался
все дальше и дальше, оставляя сотни трупов, теряя боевую
технику. После целой недели движения вперед часть достиг-
ла города Медынь.

Большой и людный когда-то город был превращен нем-
цами в кладбище разрушенных зданий. Ни одного уцелевшего
кирпичного дома, только почерневшие от гари стены
стояли вместо них. Они до сих пор хранят следы жарких
боев, которые шли за город; — все изрешечено пулями и
осколками... Одинокие трубы смотрят в небо, брошенные ма-
шины, оставленные танки и орудия и кладбища. На одном
кресте кто-то из красноармейцев написал: «Шел в Москву, —
пришел в могилу!» — Это удел всех оккупантов, пробравших-
ся когда-то и сейчас на священную Русскую землю.

А дорога убегала далеко на запад, убегала туда, где нас
еще пока нет, но где мы скоро будем. Мы прошли по мер-
твой разрушенной дороге, и с нашим приходом она изменила
свое лицо. Оживают села, отстраиваются разрушенные мосты,
чинятся прорехи на дороге. Вот телеграфные столбы. Только
вчера они стояли, окутанные порванными проводами, а сегод-
ня советские люди уже натянули провода, и они загудели,

Гордо подняв головы, шли они по московским улицам, направ-
ляясь в Кремль.

Древние стены Кремля предстали перед глазами кировцев.
Спасские ворота. Здесь проходили лучшие люди страны, лю-
ди, чьими именами гордится не только наша родина, но и
весь мир. Через эти ворота сейчас проходят кировцы, — от-
важные воины Красной Армии, преданные сыны любимой

Гудят.
идем все дальше и благородных чувств переживают
чтобы новые тысячи детей начебработники нашей части —
слезы на глазах советских людей, чтобы умением и
красное знамена над советскими селами и городами.

Обыкновенная шоссе дорога раскрывается перед на-
ми как книга, в которой описывается тяжелый и большой
путь, пройденный нашими бойцами. Авторы этой книги —
замечательные бойцы-кировцы, славные воины советского го-
сударства. Они писали эту книгу о себе, о своих боевых делах.

Большой и славный путь боев с проклятыми врагами про-
шли отважные кировцы, их боевые дела будут помнить весь
советский народ. Родину, честь и свободу которого они за-
щитали.

Офицер обернулся и схватился за пистолет. Среди и
— Руки вверх! — повторил Кузнецов и добавил
будет!

Офицер покорно поднял руки.

И через несколько минут вел Кузнецов по де-
связанного и безоружного. За ними толпой невозможно... что

— Молодец парень, один взял немца! молчали, а потом

— Значит «гостя» ведешь, боец?

— Веду, веду, — весело
час вводил пленного

В Кремле

Вот он, великий город, сердце любимой родины. Город-герой, город-титан, к которому рвались фашистские орды банды Гитлера. Они протягивали свои лапы к нашему сердцу, хотели пройти парадным маршем по прекрасным улицам советской столицы, хотели погасить сияние звезд на кремлевских башнях. Но советский народ опустил меч на кровавые лапы фашистов, и они отдернули их от нашего сердца — Москвы и, теряя десятки тысяч своих солдат и офицеров, покатались на запад. А красные звезды на башнях Кремля сияют так же гордо, как раньше и освещают путь к дальнейшим победам.

Четыре месяца защищали кировцы родную столицу, четыре месяца они вели ожесточенные, упорные бои с заклятым врагом, жертвовали своей кровью, даже жизнью, но врага не пропустили. Фашисты много раз бросались вперед, но натываясь на железную непроходимую стену красных воинов, в первых рядах которых находились кировцы, гитлеровцы ломали свои головы и откатывались назад. Здесь, у ворот Москвы, воины Красной Армии начали разгром врага, вместе со всеми и кировцы уничтожили немецких оккупантов и отогнали их на запад.

Советское правительство высоко оценило заслуги бойцов, командиров и политработников нашей части, наградив многих орденами и медалями Союза ССР. И 7 марта кировцы поехали в Кремль, где им должны были вручить высокие награды.

Гордо подняв головы, шли они по московским улицам, направляясь в Кремль.

Древние стены Кремля предстали перед глазами кировцев. Спасские ворота. Здесь проходили лучшие люди страны, люди, чьими именами гордятся не только наша родина, но и весь мир. Через эти ворота сейчас проходят кировцы, — отважные воины Красной Армии, преданные сыны любимой Родины.

Сколько радостных и благородных чувств переживают сейчас бойцы, командиры и политработники нашей части — Москва, которую они с таким упорством, с таким умением и доблестью защищали, будет давать награды своим защитникам.

Словно зачарованные, как в сказке, ходили они по коридорам и залам Кремля, и когда вышел товарищ Шкирятов, чтобы от имени партии и правительства вручить им ордена и медали, к высоким сводам зала понеслись горячие аплодисменты.

Один за другим подходили к товарищу Шкирятову и из его рук получали ордена и медали. А когда очередь дошла к капитану Кочетову, он, получив орден Красного Знамени, обратился к товарищу Шкирятову:

— Разрешите мне, от имени награжденных, особенно от бойцов, командиров и политработников парашютистов-кировцев, заверить партию, правительство и лично товарища Сталина, что мы, воины Красной Армии, не пожалеем своих сил и самой жизни для полного разгрома фашистских захватчиков.

И перед сидящими в зале кировцами встали картины разрушенных городов и деревень, лица зверски замученных мирных жителей и пленных красноармейцев. В боях с фашистами кировцы научились ненавидеть врага, и эта ненависть придает силы в борьбе с врагами, помогает увеличивать справедливый счет мести.

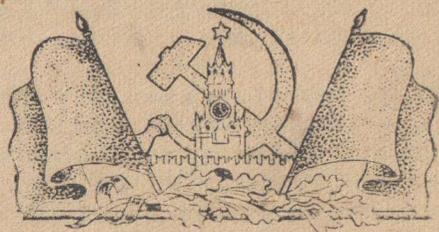
— Отомстим врагу, — шепчут губы кировцев, и кулаки у них наливаются железом, и в сердце клокочет священный гнев к врагу. Кировцы умеют мстить врагам, и они отомстят им жестоко и сполна.

Слова капитана Кочетова — это слова, взятые из самого сердца сидящих здесь людей, а кировцы слова на ветер не бросают!

Мы прошли славный путь борьбы с врагами, а дальнейшие бои с фашистскими извергами покроют наши знамена еще большей боевой славой.

Выходя из Кремля, кировцы дали священную клятву еще больше и лучше громить немецких оккупантов. Впереди стоят еще суровые бои с ненавистными врагами, и свою клятву кировцы выполняют в этих боях.

Клятва награжденных кировцев — это клятва всех бойцов, командиров и политработников части, носящей славное имя Сергея Мироновича Кирова.

Конец 2-й части.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Предисловие	5
Из фронтового блокнота	
В ружье!	9
„Курс 30—00“	11
Переправа сорвана	14
Капитан Кочетов командует	16
Из немецкой пушки по немцам	21
Под Орлом	24
Засада в немецком логове	30
Чисто по-кировски	34
Сила воли	37
Лощина смерти фрицев	43
Пуля цель любит	
Глаз мстителя	46
Практический урок	48
Трое против тридцати	50
Ночной налет	52
Юбилей в бою	56
На линии связи	58
Честь кировца	60
Большевики кировцы	
День секретаря партбюро	67
Максим Лукьянчук	72
Билет комиссара (стихи)	75
Комсомольцы в бою	
Вожак молодежи	77
Ударом приклада	80
Комсомолец из столицы	81
Навстречу танку	83
Под Малоярославцем	86

Не числом, а умением	91
По стервятнику	96
Сильнее смерти (фронтовая поэма)	98
Мужественные люди	
На пункте медицинской помощи	108
Владимир Щерба	112
Боевой друг разведчиков	115
Не ведая страха	118
До следующей встречи	119
Случай с лошадью	122
В тылу врага	
Под Медынью	123
Шамиль	126
Дочь Украины	138
„В чужие сани не садись!“	144
Бой у деревни Гусево	145
„Курица со свастикой“	146
Кировцы не могут иначе	148
Военнопленные говорят	151
Дорога ведет на запад	156
В Кремле	162

Техническое оформление
красноармейца А. С. Кожевни-
кова. Напечатано в Подольской
типографии на 10 печатных
листах. Г—19424. 1942 г.
